

Женщина, завидев его новым утром, коленопреклонённого, опустившего голову и с пустым щербатым горшком в протянутой руке, только тихо охнула от неожиданности. Баки уже чувствовал сладковатый запах молока из щербатой глиняной кринки, что женщина крепко держала, прижимая к боку руками. Он не просил много — согнулся ещё ниже, вытянул горшок ей прямо под ноги, к грязному, заснеженному подолу грубой шерстяной рубахи. Рядом с ним лежала окровавленная тушка зайца. Он не мог предложить больше. С охотой у него не задалось вчера. Ни ему самому, даже если не считать друида, ни ведьме ничего не досталось.

Не долго думая, женщина отлила ему молока. А затем, проворно подхватив тушку со снега за задние лапы, скрылась за углом земляного дома. Баки распрямился медленно, стараясь не расплескать. Почему-то впервые за долгое время стало тошно с себя. Тошно от своей немощи и прихлебательства, от того, что он, пускай и не первый, но всё же наследник Баарнсов, сидит здесь на коленях в грязном снегу, и в его руке теплеет глиняный горшок с козьим молоком, которое он раньше терпеть не мог. Много чего было раньше. Бывало, сидя на коне, он ехал впереди всей процессии отца, Наместника, и собственным кнутом и сапогом отгонял с дороги неповоротливых крестьян с их чумазыми детьми, таких вот же, как эта женщина. Сейчас же, безрукий и грязный, обросший, страшный, как лесной дух, он сам просил молока на обмен. Словно прежняя его жизнь загнулась в какой-то момент неправильной петлёй, заставляя всё знакомое и устоявшееся перевернуться с ног на голову. Заставляя его не жить в тепле, достатке и вкушая воинские победы и спелые девичьи тела, а волочиться, цепляясь жизни за подол.

Баки сплюнул горчащую после разжёванной мёрзлой веточки слюну. Кора осины отбивала голод, и всё же молока в его горшке было так много, что он знал — не донесёт его даже до леса, не то что до берлоги друида. Поэтому поднёс глиняный бок к губам и принялся пить. Тёплое, ароматное... как он мог не любить козье молоко?

Баки едва смог остановить себя, одёрнув мыслью про друида. И, повернув к лесу, отправился в обратный путь. И всю долгую дорогу по сугробам твердил себе, что так нельзя. Не пойдёт так. Он, единственный добытчик и защитник, не может позволить себе голодать. Иначе что будет с этой подопечной сворой голодных ртов? Сегодня же он распотрошит запасы друида и вдоволь наестся вяленого мяса, раз свежего добыть не вышло.

Спустя несколько ночей он так же возвращался с горшком молока, переваливаясь по собственным следам в сугробах. Солнце, светившее словно сквозь дымчатую пелену, неуловимо изменило место своего обитания, и Баки неожиданно для себя вспомнил о приближении Йоля. И от мысли этой ему почему-то стало легче. Он верил, что после Йоля вся Великая Охота уберётся из этих мест так далеко, как только можно. И вдруг почувствовал почти забытое, потерянное чувство — надежду.

Глупое, обманчивое и очень коварное чувство.

Он, кое-как извернувшись, забрался за шкуру в сумрачное, застоявшееся тепло берлоги. Стив всё так же лежал на своём месте под двумя шкурами. И, успокаивая, на его бледной коже лица на щеках играл мягкий румянец. Баки помнил, какой он на ощупь и вкус — совсем недавно, ещё до того, как отправиться за молоком, он привычно позволил себе спать с друидом рядом под шкурами, обнимать его и вылизывать, трогать — просто потому, что Баки хотелось, а тот

ничего не мог возразить. Будь он чуть гаже, будь он не обязан друиду ничем — он бы пользовал его тело, не сомневаясь. Потому что считал, что любая услуга должна быть отплачена, и никто не налил бы ему молока, не принеси он добытую тяжким трудом дичь. Он не ждал милости — и не позволил бы никому ждать её от него. Но едва он попытался — а он попытался добраться до желанного, он никогда не думал про себя, что добрый и хороший человек, а время, тянущееся здесь бесконечно, затирало и более сильные чувства, — и как только маленький мягкий зад Стива ложился в его ладонь, как на него накатывала дурнота. Член, только что каменный, опадал, и Баки ничего больше не хотелось. Со временем он приловчился управлять своим голодом, умиряя его после, спуская белёсые капли сразу в молоко, размешивая и выкармливая друида по ложке. И совсем перестал лезть тому между ног, только иногда, сквозь дремоту подступающего сна, по-хозяйски ощупывал лежащее рядом тело, мял в ладони член и трогал худую грудь. Друид словно спал, и сон его, Баки подумал, никогда не закончится.

Внутри берлоги тлел разведённый на рассвете костерок. Баки отставил горшок и подкинул заготовленных дров на угли. Разгорится нескоро, но и им некуда торопиться. Подобравшись ближе, он привычно ткнулся носом Стиву в шею, за ухо, в волосы. От друида уже пахло — кисло-сладко, отчего-то очень притягательно. Баки лизнул его по тёплой щеке, и ещё раз — по глазу, по тёмным сомкнутым ресницам. Дни, идущие за днями, размывали границы настоящего. С каждым днём Баки всё больше забывал то время, когда Стив был живым и наглым, когда Баки боялся даже подойти к нему лишний раз. Когда поклялся не трогать его. Сейчас все эти клятвы теряли какой-либо смысл. Друид всё больше воспринимался как тёплое тело, которое может согреть его длинной зимней ночью. Баки поймал себя на том, пока смотрел на подсыхающие влажные дорожки от своего языка на его коже, что забыл даже как звучит его голос.

Он отодвинулся и, почесав отросшую бороду, привычно откинул со Стива шкуры. Повернул его тело набок, к себе задом. Задрал грязноватую рубашку, оголяя половинки маленькой белой задницы: от одних этих действий у него всё каменело в паху. Затем придвинул горшок с молоком поближе и, высвободив собственный член, начал сжимать себя, разглядывая друида и бессильно пытаясь вспомнить, какой он был. Какой он был, когда не спал, не лежал, как набитая соломой кукла. И, уже изливаясь в стоящий рядом горшок, с удивлением заметил, что зад друида покрылся гусиной кожей от холода.

Уже несколько дней Баки видел, как заканчивалась колдовская трава. И как бы он ни оттягивал этот момент, всё равно пришло время собираться к ведьме. С охотой сегодня вышло более чем удачно — он успел подбить трёх тетеревов, пока остальные вспархивали прямо из-под снега и уносились подальше от него. Он мог бы оставить двух ведьме, и, обвязав тушки верёвкой вокруг лапок, отправился в чашу.